

УДК 323.45.6

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Оригинальное исследование

Особенности построения политико-мифологических конструктов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы

Волкова А.Е.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
E-mail: alina-volkova@ro.ru

Аннотация. В настоящее время все более актуальным становится вопрос о том, как внутри Российской Федерации сосуществуют представители разных этносов и наций. В первую очередь это касается национальных республик, где русские не являются большинством (Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и т. д.). Учитывая напряженную международную обстановку, лидеры партий и движений националистической направленности в указанных субъектах страны становятся теми акторами, которые начинают транслировать сепаратистские идеи, цель которых – дестабилизация политической системы Российской Федерации вплоть до полного выхода обозначенных выше субъектов из состава страны. Одним из инструментов подогревания радикальных настроений становятся политические мифы. Автор статьи пытается разобраться с тем, как в политическом процессе современной России сформировались определенные мифы, на чем они основываются и кто является основным выразителем и ретранслятором в медиапространстве.

Ключевые слова: политический миф, этнократия, сепаратизм, политическая культура

Для цитирования: Волкова А.Е. Особенности построения политико-мифологических конструктов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы. Via in tempore. История. Политология. 49 (4): 944–953. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Features of the Construction of Political and Mythological Constructs of Regional Ethnocracies in Post-Soviet Russia: Invention, Meanings, Narratives

Alina E. Volkova

Voronezh State Technical University,
84 20th of October St., Voronezh 394006, Russia
E-mail: alina-volkova@ro.ru

Annotation. Currently, the question of how representatives of different ethnic groups and nations coexist within the Russian Federation is becoming more and more urgent. First of all, this applies to national republics where Russians are not the majority (Tatarstan, Bashkortostan, Mordovia, Udmurtia, etc.). Given the tense international situation, the leaders of nationalist parties and movements in the above-mentioned subjects of the country become the actors who begin to broadcast separatist ideas, the purpose of which is to destabilize the political system of the Russian Federation until the complete withdrawal of the above-mentioned subjects from the country. Political myths are becoming one of the tools for fueling radical sentiments. The author of the article tries to understand how certain myths have formed in the political process of modern Russia, what they are based on, and who is the main exponent and repeater in the media space.

Keywords: political myth, ethnocracy, separatism, political culture

For citation: Volkova A.E. Features of the Construction of Political and Mythological Constructs of Regional Ethnocracies in Post-Soviet Russia: Invention, Meanings, Narratives. *Via in tempore. History. Political Science.* 49 (4): 944–953 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Введение

Начало специальной военной операции на Украине стало катализатором целого ряда противоречий внутри российского общества. Помимо того, что часть населения в принципе не приняла политику руководства страны, большую роль стали играть отдельные акторы, отмечающие, что раз ЛДНР, Запорожская и Херсонская области имеют право на проведение референдума на том основании, что на этих территориях проживает большинство русских, национальные республики также при желании могут заявить о своем выходе из состава страны. Подобные сепаратистские настроения умело подогреваются представителями ряда СМИ-иноагентов. Несмотря на то, что доступ к «Радио Свобода» по решению Генеральной прокуратуры запрещен с 1 марта 2022 г., СМИ ведет активную работу в социальной сети Телеграм – там у него есть каналы «Idel.Реалии» для национальных республик Поволжья, «Idel. Урал» для пространства за Уральскими горами, «Idel. Кавказ» – для южных республик и ряд других. В этих телеграм-каналах активно продвигаются сепаратистские концепции, в ряде случаев ориентированные на политические мифы о самости и особости народов, их угнетенности от русских и необходимости скорейшего отделения. В этой связи нам представляется, что изучение смыслов, нарративов, самого процесса изобретения политических мифов в национальных республиках является крайне актуальной с научной точки зрения и важной с прикладной для недопущения дестабилизации политической системы страны из-за притязаний этнократий. Цель исследования состоит в изучении особенностей построения политико-мифологических конструкций лидерами этнократий на территории современной России. Методология исследования базируется на концептах «политический миф», «мифотворчество в политическом процессе», «этнократия». Инструментарий исследования строится на методах ивент-анализа, компаративного анализа, контент-анализа СМИ и новых медиа, дедукции и наблюдения. Итоги проведенного исследования будут интересны широким слоям населения: научному и экспертному сообществам, правоохранительным структурам и ведомствам и др.

От культурологического к политическому мифу

Для начала представляется необходимым рассмотреть, что такое политический миф, поскольку именно он является одним из ключевых концептов данного исследования. В настоящее время существует несколько подходов к оценке роли мифов в формировании коммуникационного окружения и политической действительности. Как отмечает исследователь Б. Малиновский, миф начинает играть важную роль уже в первобытнообщинных обществах [Малиновский, 1998, с. 27]. Кроме того, в течение XX в. к теме мифов обращались историки, социологи, антропологи, которые пытались понять взаимосвязь между созданием людей в разные времена, их верованиями и влиянием на эти процессы мифов. Румынский культуролог М. Элиаде еще в 1940–1960-е годы отмечал, что в европейских странах «наблюдается до сих пор интерес к этому возврату... иметь хорошие "истоки", иметь благородное происхождение было почти равнозначным» [Элиаде, 2000, с. 193–194]. Автор также писал, что миф является «концептуальным выражением отношения человека со временем» [Цит. по Флад, 2004, с. 33]. Следует отметить, что если в начале XX в. интерес к мифу был скорее теоретический, то во второй половине указанного столетия в научные оборот начинает входить понятие «политический миф». Немецкий философ Э. Кассирер акцентировал свое внимание на том, насколько эффективным будет использование того или иного мифа в рамках крупных и всеобъемлющих общественно-политических процессов

[Cassirer, 1946]. Он отмечал, что «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения. Созданные и ловкими «мастерами» [Кассирер, 2000, с. 580–581]. Кроме того, автор, в отличие от своих предшественников, уделял особое внимание тому, что у мифа есть особая символическая природа. Соответственно, изменения в социальной среде индивидуумов коренным образом влияли и на символы внутри тех или иных мифов. Особую актуальность работы Э. Кассирера приобрели при анализе воздействия процессов манипулирования сознанием немецкими пропагандистами в годы Второй мировой войны.

Российский социолог А.Г. Иванов, подробно изучая социальную природу мифа, отмечает следующие его особенности. Во-первых, миф представляет собой не что иное, как «один из искусственных миров и составляющая символического опыта» [Иванов, 2019, с. 33]. Получается, что миф – далеко не окончательное представление о реальности, а сама его суть является чем-то сконструированным, ненастоящим, что существует лишь в определенном образом настроенном сознании. Во-вторых, миф как таковой является продуктом архаической, древней культуры, когда каждое непонятное явление могло рассматриваться как знак свыше. В-третьих, мифы обладают удивительной живучестью. Несмотря на то, что прошло уже несколько тысячелетий, мифы Древней Греции, Египта, скандинавских стран остаются важной частью мировой культуры, на них продолжают строиться новые литературные произведения, кинофильмы и иные продукты массовой культуры. В-четвертых, с течением времени мифы не только не теряют своей актуальности, но и, наоборот, имеют свойство приращать новые символы и знаковое выражение.

В данном контексте представляет интерес работа австрийского философа и социолога А. Шюца «Символ, реальность и общество». В ней автор подробно рассматривает разницу между понятиями знака и символа, разводит их по разные стороны на основании теории множественных реальностей. А Шюц подчеркивает высокую востребованность символической формы выражения мифа, которая в первую очередь основана на коммуникационном аспекте [Шюц, 2004, с. 456–532]. Как нами уже было сказано ранее, ретрансляция мифа позволяет получать ему наибольшее количество последователей, расширяя, по сути, ареал своего существования. Вместе с тем подобное распространение невозможно без использования разнообразных коммуникационных средств: от простейшего сарафанного радио до современных СМИ и новых медиа. А. Шюц, говоря о том, какие символы или знаки наиболее предпочтительны в коммуникации, отмечал, что коммуникация основывается на так называемых «нецеленаправленных знаках», то есть первая пришедшая в голову человеку мысль после соприкосновения с мифом носит случайный характер.

Важно учесть следующую особенность в подходе к изучению мифа. Как отмечает финский профессор фольклора и сравнительного религиоведения Л. Хонко, «мифологическое мировоззрение статично; оно не предполагает ни изменения мира, ни его развития» [Honko, 2013, p. 53]. Несмотря на то, что с течением времени миф может использоваться совершенно по-разному (в зависимости от интересов лиц, его использующих), его основа, суть, наполнение остаются прежними – в нем всегда содержатся давно известные истины.

Как отмечает российский политолог А.А. Гончарик, во второй половине XX в. исследователи «уходят от трактовки мифа как сакрального средства управления и от субъективности в его понимании» [Гончарик, 2009, с. 80]. В этот период времени особую актуальность приобретает рассмотрение политического мифа как способа восприятия, описания и объяснения происходящих событий. А все акценты смещаются на символическую и идеологическую составляющие. В 1970-х годах французский философ Р. Барт начинает рассматривать политический миф как сообщение и коммуникативную систему, а также обращает внимание на то, с помощью каких знаков воплощаются те или иные мифы. Он отмечал, что «материальными носителями мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, какие-либо предметы и т. д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания, все они представ-

ляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» [Барт, 1994, с. 73].

Особый интерес вызывает работа американского политолога К. Флада «Политический миф», в которой он переосмысливает само понятие изучаемого явления. Автор также дает современное определение термину «политический миф» – «идеологически маркированное повествование» [Флад, 2004, с. 15]. К. Флад акцентирует внимание на том, что мифы вовсе не обязательно должны выполнять в обществе некую объединяющую функцию. Наоборот, миф может привлекать внимание к отдельным проблемам – расслоению общества, социальному неравенству, несправедливому распределению общественных благ. К. Флад отмечает, что мифы «могут стать инструментами полемики, конфликта, даже разрушения, объединяя одну социальную группу на основе ее противопоставления с другой» [Флад, 2004, с. 15]. Важно отметить, что политический миф впоследствии трактуется так и только так, как это выгодно лицам, начавшим его ретрансляцию в широкое общественное мнение.

Вместе с тем важно понимать, в каких условиях политические мифы обретают наибольшую силу и получают поддержку со стороны последователей. Нам представляется очевидной связь между типом политической культуры в том или ином государстве и спецификой создаваемых политических мифов. Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба выделяют три типа политической культуры: подданическая, патриархальная и участническая [Алмонд, Верба, 2014]. Патриархальной политической культуре свойственна вера в традицию, сакрализация власти, долговременность пребывания на посту лидеров-управленцев. Для участнической политической культуры особую важность приобретает сменяемость власти, демократия и прозрачность всех общественно-политических процедур. Исходя из указанных характеристик, можно сделать вывод о том, что к странам с патриархальной политической культурой относятся Россия, Белоруссия и ряд других стран. Участническая политическая культура характерна для стран Запада и тех государств, которые ранее входили в состав СССР. В этой связи в разных политических культурах создаются разные политические мифы. Если говорить об участнической политической культуре, то для нее характерны те мифы, которые всеми возможными способами служат легитимации новой власти. Например, политическим мифом можно считать тезис о том, что выборная система в США – самая прозрачная и современная в мире. Как минимум исходя из того, что решение о том, кто будет руководить страной в следующем цикле будет выносить некая группа «выборщиков», тогда как мнение населения, хотя и учитывается, решающим не является. Или же страны бывшего СССР, в особенности прибалтийские государства и Грузия. Для них также важна легитимация новых политических лидеров, в связи с чем основным политическим мифом, особенно в годы «парада суверенитетов», было угнетение их народов со стороны России, которое в СМИ и новых медиа транслируется и в настоящее время.

Этнократии как инициаторы распространения политических мифов

В данном контексте важно понимать, что собой представляют современные этнократии на территории России, что позволяет считать их таковыми, какую роль они играют при принятии решений о взаимодействии с федеральным центром по ключевым вопросам развития страны, к которым, несомненно, относится проведение специальной военной операции.

Начнем с того, что такое этнократия. Как отмечает российский политолог Ж.Т. Тощенко, под данным понятием следует понимать не власть какого-то отдельно взятого этноса, но «этнической группы, захватившей власть в стране» [Тощенко, 2003, с. 58]. Применительно к национальным республикам можно переформулировать определение следующим образом: власть этническими группами получена не во всей стране, а в одном отдельно взятом субъекте, где национальным большинством являются представители иного, отличного от русского, этноса. Под властью в данном контексте следует понимать

ключевые посты в органах власти и управления, в правоохранительной и судебной системах, в СМИ и общественных организациях.

Этнократия как форма политического управления становится возможной тогда, когда происходит ее легитимация и легализация. Важно отметить, что легитимация этнократии происходит в тот момент, когда политическим акторам удается сформировать единую этнополитическую картину мира. Причем она создает как на основе предыдущего теоретического опыта, так и с привлечением фактов актуальной действительности (разделенные народы, угнетение со стороны «захватчика», отсутствие прежних прав и свобод, стремление к получению большей независимости внутри государства на основании преваляирования одной нации над коренным населением всей страны). Российский политолог А.В. Лубский выделяет следующие способы легитимации этнократии: ментальные представления об общности этнического происхождения (метафоры «единой семьи», «священной земли» (территория), «родной речи» (язык), «правоверные» и «иноверные»; ментально-исторические представления (этнопамять, существующая в виде легенд и мифов); успех, особенно во взаимоотношениях с чужими; время и традиция (признание факта длительности нахождения у власти того или иного клана) [Лубский, 2006, с. 38]. Все указанные характеристики легитимации этнократии были и остаются свойственными для ряда национальных республик в составе Российской Федерации. В частности, если рассматривать Татарстан, то идеологи татарского национализма обращали внимание на важность единой территории для татар всего мира, родного языка вместо русского (неслучайно в 2018–2019 гг. в республике были серьезные споры по языковому вопросу, которые даже вышли на федеральный уровень). В качестве примеров сохранения этнопамяти выступают, с одной стороны, легенды о местных правителях, происхождение от Чингисхана и Золотой Орды, а также стабильное проведение акций в честь взятия Рязани Батыем, которые сопровождают символическим сожжением русского города. И, наконец, роль лидера этнократии. В 90-е и нулевые годы эту роль исполнял М.Ш. Шаймиев, президент Татарстана, который всегда отстаивал тем или иным образом особое положение республики в сравнении с другими национальными субъектами. Нынешний глава республики Татарстан Р.Н. Минниханов хоть и потерял наименование должности «президент», однако в остальном остается верным последователем этнократических традиций М.Ш. Шаймиева.

В целях своей легитимации этнократия использует следующие типы этнической идеологии: этноцентризм, этноэгоизм и этноэтатизм. Российский политолог А.А. Шаов отмечает, что этноцентризм и этноэгоизм в своем базисе ориентируются на приоритетность ценностей одной этнической группы над другой [Шаов, 2001, с. 5]. В свою очередь, этатизм предполагает создание национального государства, которое является идеалом общественного устройства для определенной группы этнократов. Во втором случае ситуация с противостоянием между этнократами и иными силами является более конфликтной, поскольку на первый план выходит идея создания совершенно нового государства, которое, возможно, раньше находилось в составе другой страны. Именно этноэтатистские тенденции легли в основу идей ряда политических движений в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда начался т. н. «парад суверенитетов». Важно отметить, что этноэтатистские тенденции характерны и для современных европейских государств, например, для прибалтийских стран. Как отмечают исследователи В.В. Бузаев и И. Никифоров, «в марте 2008 г. судом были запрещены все акции антифашистов, а марши сторонников легионеров СС запрещены не были» [Бузаев, Никифоров, 2009, с. 238]. Авторы отмечают, что для прибалтийских государств подобные методы конструирования собственной этнократии являются совершенно обычным делом. Вместе с тем события текущего года, связанные со сносом памятников советским воинам, косвенно подтверждают мысль авторов.

Таким образом, этнократические режимы во всех их разновидностях существуют и функционируют в настоящее время. Их стремления понятны – объявление себя независимым государством на том основании, что именно эти народы могут объединить своих соро-

дичей по всему миру, экономическая независимость, общее этнокультурное пространство с иными государствами и народами, а также наличие собственной, более длинной и славной истории, чем это принято считать в официальных источниках. В ряде республик РФ этнократии уже прошли стадии становления, поэтому там акцент делается на том, чтобы политический миф получил максимально широкую поддержку в массах. В следующем пункте мы подробно рассмотрим сам процесс создания этнократического политического мифа.

Этапы создания политического мифа

В какой момент простой рассказ о героизме или превосходстве кого-либо начинает приобретать идеологическую окраску? Каким образом на созданный философско-коммуникационный продукт накладываются черты мифа? С помощью каких инструментов созданный политический миф обретает не только четкие контуры, но и сравнительно большое количество последователей? И, наконец, как политический миф превращает в доктрину того или иного политического движения? На эти вопросы постараемся ответить. Итак, ранее мы выяснили, что политический миф представляет собой набор определенных символов и знаков, которые определенной группой общественности толкуются единообразно, воспринимаются в соответствии с их морально-этическими и политическими установками. Получается, что политический миф должен обладать важным компонентом – эмоциями, которые в некотором смысле заменяли бы рациональные мотивы поведения и поступков. В качестве основных архетипов, которые используются при создании мифов, используются следующие: герой, который спасает вверенный ему народ, землю; историческое прошлое – основным лейт-мотивом таких конструкций становится мысль о том, что «раньше было лучше», причем для разных представителей социума категории «раньше» и «лучше» значительно различаются; сильный, единый и великий в прошлом народ – данная почва для политических мифов зачастую используется представителями этнократий для того, чтобы доказать, как в худшую сторону трансформировалась жизнь из-за прихода «завоевателей». Это основные категории политических мифов, которые получают широкое распространение на территории Российской Федерации, в особенности после начала специальной военной операции на Украине.

В настоящее время наибольшим политическим весом при принятии определенных решений как внутри субъектов РФ, так и на федеральном уровне обладают следующие этнократии: татарско-башкирская, финно-угорская, северо-кавказская. У каждой из выделенных нами этнократий существуют собственные политические мифы, которые в ряде случаев противоречат официальной политике государства, что впоследствии приводит к нарастанию напряженности в рассматриваемых национальных республиках, росту протестных и сепаратистских настроений, которые могут привести к саботированию решений федеральной власти и дестабилизации всей политической системы.

Политические мифы могут возникать разными способами. Некоторые появляются стихийно, на фоне идеологического подъема, другие же создаются целенаправленно, для того чтобы создать в обществе определенные настроения. По словам Ю.В. Балахонской, при втором сценарии «миф вначале появляется в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания» [Балахонская, 2015, с. 189]. Логичным выглядит предположение о том, что политический миф может носить как позитивный характер (донесение до общества целей и задач органов власти, создание консолидирующей парадигмы, веры в развитие даже в сложные времена), так и деструктивный (развитие сепаратистских настроений, возвращение недовольства действующей властью, создание у населения ложных представлений о кардинально лучшем уровне жизни в других странах и т. д.). Политическим мифам свойственно появляться из ниоткуда, проживать определенный период и впоследствии быть развенчанными. Например, в настоящее время неоднозначное отношение складывается к теме Голодомора. В начале 2000-х на

Украине была совершена относительно удачная попытка внедрения в сознание населения вины России за голод в УССР, в ходе которого якобы произошел геноцид только украинцев. Вместе с тем в эти годы голод был распространен на многих территориях СССР, и в ходе него страна потеряла не только представителей указанной нации [Прудникова, 2019, с. 159].

Появление политического мифа в том случае, если он создан искусственно, может быть связано со следующими событиями: нарастание народного недовольства действующей властью, стремление объединить население в борьбе с общим врагом, мобилизация населения для решения общих для всего государства социально-экономических и политических задач, поиск своего особенного пути, стремление к независимости и борьба за нее. Для этнократий на территории РФ свойственен последний тип мотивации – попытка выхода из состава страны, формирование независимого государства. Стоит напомнить, что в 90-е годы тем же Татарстаном уже была совершена попытка получения максимального суверенитета в составе страны. В частности, между республикой и Россией был заключен Конфедеративный договор, о котором подробно писала Л.М. Дробижева [Дробижева, 2003]. Документ дал региону исключительное право распоряжаться землей и ресурсами, создать систему госорганов, формировать бюджет, иметь свое гражданство и участвовать в международных отношениях. Срок действия договора не ограничивался. Впоследствии договоры с центром заключили еще 45 регионов. Однако в нулевые годы федеральным центром были совершены первые шаги по формированию четкой вертикали власти. Данная политика не могла найти поддержки в национальных республиках, поэтому Татарстан вплоть до 2021 г. боролся за то, чтобы глава республики именовался президентом, так же как и руководитель всего государства. После последней реформы по унификации наименований органов исполнительной власти, все наименования руководителей субъектов страны были приведены к единому стандарту, а президент Татарстана превратился в главу республики. Естественно, данная реформа не получила поддержки в среде политических лидеров республики.

На первом этапе формирования политического мифа его создателями ищется привлекательный образ, который отвечает запросам как лиц, принимающих решение, так и простого населения. В Татарстане большую популярность имеют мифы о «Великой Татарии», о происхождении государства от Чингисхана, тогда как идею происхождения от Волжской Булгарии этнократы называют пережитком советской эпохи. У финно-угорских народов популярным является миф о разделенности всех народов этой группы – мордвы, эрзян с венграми, финнами и т. д.

Второй этап политического мифотворчества представляет собой поиск интеллектуалов, готовых на своих площадках ретранслировать те самые идеологически сформированные представления о чем-либо (в нашем случае – о государственном устройстве). В 90-е годы проводились многочисленные конгрессы финно-угорских народов, на которых обсуждались темы разъединенности и зависимости от России.

На третьем этапе происходит вовлечение в процесс политического мифотворчества общественных активистов, НКО. Именно эти люди начинают проводить креативные акции, которые попадают на страницы СМИ и социальные сети. Благодаря подобным акциям граждане узнают о политическом мифе. Например, в столице Татарстана ежегодно проводятся акции, посвященные дню «захвата Казани Иваном Грозным». Активисты общественных организаций ВТОЦ (Всетатарский общественный центр, признана экстремистской в РФ) и «Азатлык». Обе организации имеют давнюю политическую историю, имеют определенный вес в обществе и выражают интересы националистически настроенной части Татарстана. В частности, активисты ВТОЦ (признана экстремистской в РФ) выступали за еще большее выделение часов для изучения татарского языка и оставление его в числе обязательных предметов школьной программы наравне с русским языком. В течение СВО на Украине общественники были участниками антивоенных акций, пикетов и других подобных мероприятий.

Четвертый этап включает в себя задействование ангажированных СМИ, блогеров, представителей коммуникационной среды, которые на своих площадках публикуют определенным образом маркированную информацию. Например, в Татарстане одним из наиболее популярных СМИ, которые в высокой степени поддерживают национально ориентированных активистов, является издание «Бизнес-онлайн». Его журналисты присутствуют на всех мероприятиях, проводимых движениями с националистической направленностью, активно выступают против того, чтобы татарский язык убрали из обязательной школьной программы, дают площадку для высказывания своих мыслей и позиции ярко политизированным мыслителям.

Пятый этап – заключительный. Политический миф благодаря стараниям его создателей становится заметной частью общественной жизни, его поддерживает население и готово отстаивать его в борьбе с политическими противниками. Подобная ситуация сложилась в конце 80-х гг. – начале 90-х годов XX века, когда СССР только начинал распадаться, а республикам дали право «брать суверенитета столько, сколько захочется». И бывшие страны взяли. К ним присоединились и некоторые национальные республики.

Что касается современности, то 22–24 июля в Праге проходил Форум свободных народов России, на котором были приняты решения о создании «правительства в изгнании» для регионов Кавказа с «последующей интеграцией этих стран в Европу». На форуме также была представлена альтернативная карта России, на которой страна была поделена между отдельными сепаратистами – так, на макете появились Соединенные штаты Сибири, Республика Черноземье, Московская Республика, Ингрия, Балтийская Республика, Ичкерия, Федерация Поволжье. Башкортостан, Татарстан и иные национальные республики на этой карте названы отдельными самостоятельными государствами¹¹³. В числе участников Форума были не только граждане России, но и многих других государств, а председательствующий на нем бывший аналитик ЦРУ Пот Гобл – и вовсе гражданин США. Активисты, присутствовавшие на мероприятии, требовали независимости своим республикам, поскольку те «находятся в зависимом положении от «федерального центра». При этом представители официальных диаспор и общественники из тех самых нацреспублик никакой уязвленности не ощущают.

К данному мероприятию вполне можно было бы относиться скептически, если бы не тот факт, что Украина на законодательном уровне признала независимость Ичкерии. Несмотря на внешнеполитический контекст, данный факт свидетельствует о том, что политический миф о возможном существовании Ичкерии – достаточно живой и находит отклик у тех специалистов, которые имеют опыт в тиражировании подобных политических мифов в мире.

Таким образом, политический миф является достаточно серьезным инструментом для создания напряженности в сфере межнациональных отношений. Учитывая стремление этнократических элит к независимости и приобщение к процессу распространения мифов западных специалистов, можно сделать вывод о том, что конфликтогенность темы единства России будет только увеличиваться, поскольку запрос на сепаратизм за 2021–2022 гг. значительно вырос в среде этнократии.

Список литературы

- Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., Мысль, 560.
- Балахонская Ю.В. 2015. Отличительные особенности политической мифологии. Вестник Санкт-Петербургского университета МДВ России, 3: 189–194.
- Барт Р. 1994. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Издательская группа Прогресс Универс. 72–130.

¹¹³ Волков С. 2022. Все поделить? URL: <https://newizv.ru/article/general/25-07-2022/vse-podelit-rossiyskaya-oppozitsiya-sozdast-pravitelstva-regionov-rt-v-izgnanii> (дата обращения: 16.11.2022).

- Бузаев В.В. 2009. Современная российская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., Фонд «Историческая память», 280.
- Гончарик А.А. 2009. Понятие мифа и его применение в исследованиях политики. М. ИНИОН, 4: 79–87.
- Дробизжева Л. М. 2003. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., Аспект-Пресс, 376.
- Иванов А.Г. 2019. Система современной социальной мифологии. СПб., Алетейя, 182.
- Кассирер Э. 1990. Техника современных политических мифов. М., Гардарика, 580–581.
- Лубский А.В. 2006. Лики этнократии. Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. 37. Ростов-на-Дону, 38.
- Малиновский Б. 1998. Магия. Наука. Религия. М., Рефл-бук, 288.
- Прудникова Е.А. 2019. Мифология «Голодомора». М., Вече, 488.
- Тощенко Ж.Т. 2003. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., Аспект-Пресс. 432.
- Петров А.Е. 2011. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., ИА РАН, 381.
- Флад К. 2004. Политический миф. Теоретическое исследование. М., Прогресс-Традиция, 264.
- Шаов А.А. 2001. Этническая идеология как предмет социально-философского знания (анализ этнического самосознания абхазов и адыгов). Автореф ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 25.
- Шевченко О.М. 2006. Ксенофобия как фактор легитимации этнократии. Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. 37. Ростов-на-Дону, 191.
- Шюц А. 2004. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1056.
- Элиаде М. 2000. Аспекты мифа. М., Академический проект, 240.
- Cassirer E. 1948. The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 263.
- Honko Lauri. 2013. Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko. Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 413.

References

- Almond G., Verba S. 2014. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah [Civic culture: Political attitudes and democracy in five countries]. М., Thought, 560.
- Balakhonskaya Yu. 2015. Otlichitel'nye osobennosti politicheskoy mifologii [Distinctive features of political mythology]. Bulletin of the Saint Petersburg University of MDV of Russia, 3: 189–194.
- Barth R. 1994. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. М. Publishing Group Progress University. 72–130.
- Buzaev V.V. 2009. Sovremennaya rossijskaya etnokratiya: Narushenie prav nacional'nyh men'shinstv v Estonii i Latvii [Modern Russian ethnocracy: Violation of the rights of national minorities in Estonia and Latvia]. М., 280.
- Goncharik A.A. 2009. Ponyatie mifa i ego primenenie v issledovaniyah politiki [The concept of Myth and its application in Political Studies]. М. INION, 4: 79–87.
- Drobizheva L. M. 2003. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetsoj Rossii [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. М., Aspect-Press, 376.
- Ivanov A.G. 2019. Sistema sovremennoj social'noj mifologii [The system of modern social mythology]. Saint Petersburg, Alethea, 182.
- Cassirer E. 1990. Tekhnika sovremennyh politicheskikh mifov [The technique of modern political myths]. М., Gardarika, 581.
- Lubsky A.V. 2006. Liki etnokratii. Etnoetatizm i etnokratii na yuge Rossii [Faces of Ethnocracy. Ethnoethatism and Ethnocracy in the South of Russia]. South Russian Review of the Central Research Institute of the Russian State University and ISPI RAS. 37. Rostov-on-Don. 38.
- Malinovsky B. 1998. Magiya. Nauka. Religiya [Magic. The science. Religion]. М., Refl-book, 288.
- Prudnikova E.A. 2019. Mifologiya «Golodomora» [The mythology of the «Holodomor»]. М., Veche, 488.
- Toshchenko J.T. 2003. Etnokratiya: istoriya i sovremennost'. Sociologicheskie ocherki [Ethnocracy: History and Modernity. Sociological essays]. М. Aspect-Press. 432.

- Petrov A.E. 2011. Fal'sifikaciya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov [Falsification of historical sources and construction of ethnocratic myths]. M. IA RAS, 381 p.
- Flood K. 2004. Politicheskij mif. Teoreticheskoe issledovanie [A political myth. Theoretical research]. M. Progress-Tradition, 264.
- Shaov A.A. 2001. Etnicheskaya ideologiya kak predmet social'no-filosofskogo znaniya (analiz etnicheskogo samosoznaniya abhazov i adygov) [Ethnic ideology as a subject of socio-philosophical knowledge (analysis of ethnic identity of Abkhazians and Adygs)]. Author's thesis ... Candidate of Philos. sciences'. Rostov-on-Don, 25.
- Shevchenko O.M. 2006. Ksenofobiya kak faktor legitimacii etnokratii. Etnoetatism i enokratii na Yuge Rossii. [Xenophobia as a factor of legitimation of ethnocracy. Ethnoethatism and enocracy in the South of Russia]. The South Russian review of the Central Research Institute of the Russian State University and ISPI RAS. 37. Rostov-on-Don. 191.
- Schutz A. 2004. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom [Favorites: A world glowing with meaning]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1056.
- Eliade M. 2000. Aspekty mifa [Aspects of myths]. M. Academic project. 240 pp. Eliade M. 2000. Aspects of myths. M.: «Academic project». 240 pp.
- Cassirer E. 1948. The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 263.
- Honko Lauri. 2013. Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko. Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 413.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.11.2022

Received 05.11.2022

Поступила после рецензирования 20.11.2022

Revised 20.11.2022

Принята к публикации 20.11.2022

Accepted 20.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волкова Алина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», г. Воронеж, Россия

Alina E. Volkova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

 [ORCID 0000-0002-0573-3874](https://orcid.org/0000-0002-0573-3874)